

Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию

Молчанов С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Алмазова О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>, e-mail: almaz.arg@gmail.com

Целью исследования стало изучение связи особенностей близких межличностных отношений подростков в семье и со сверстниками и предпочитаемых механизмов морального самооправдания. Выборку составили 411 подростков в возрасте от 15 до 17 лет ($M=15,7$; $SD=0,7$), среди них 278 (67,6%) юношей и 133 (32,4%) девушки. Использовались методика отчуждения моральной ответственности С. Мур, модифицированный опросник М.В. Яремчук для определения типа привязанности к матери, опросник «Привязанность к родителям и сверстникам» (раздел отношений со сверстниками) Г. Армсден, М. Гринберг. Результаты позволили выделить предпочитаемые формы морального самооправдания. Выделены стратегии моральной свободы: активное использование, пассивное использование и искажение образа жертвы. Выявленные стратегии моральной свободы связаны с типом привязанности подростков к матери и характером межличностных отношений со сверстниками. Подростки с надежным типом привязанности к матери, а также подростки, отношения которых со сверстниками характеризовались выраженной привязанностью, доверием, успешностью коммуникации, обнаруживали меньшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. Отвержение, низкий уровень доверия и успешности в коммуникации со сверстниками связаны со стратегией активного использования морального самооправдания.

Ключевые слова: механизмы морального самооправдания, межличностные отношения, привязанность, подростковый возраст.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 19-013-0823А «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации».

Для цитаты: Молчанов С.В., Алмазова О.В. Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному

Молчанов С.В., Алмазова О.В.

Бликие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
Психолого-педагогические исследования. 2020.
Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.

Close Intepersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

самооправданию [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020.
Том 12. № 3. С. 124–136. DOI:10.17759/psyedu.2020120308

Close Interpersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms

Sergey V. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Olga V. Almazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>, e-mail: almaz.olg@gmail.com

The aim of the study was to investigate the link between the characteristics of close interpersonal relationships of adolescents in the family and with peers and the preferred mechanisms of moral self-justification. The data consists of 411 adolescences aged from 15 to 17 ($Me=15,7$; $SD=0,7$), 278 (67,6%) are men and 133 (32,4%) are women. 3 questionnaires were used: the adapted in Russian moral disengagement questionnaire by C. Moore, the questionnaire of attachment to mother in adolescence. By M. Yaremchuk, the questionnaire of attachment to parents and peers (the form about peers attachment) by G. Armsden and M. Greenberg). Results allowed to define preferred moral disengagement mechanisms. Three strategies of moral freedom were defined: active users, passive users and strategy focused on distortion of victim image. Identified moral freedom strategies are linked with the attachment to the mother and close relations with peers. Adolescents with secure mother attachment and trust, success in communication with peers are less active use moral disengagement mechanisms. Rejection, low trust level and low success in communication correlates with active use of moral disengagement mechanisms.

Keywords: moral disengagement mechanisms, interpersonal relations, attachment, adolescence.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00823.

For citation: Molchanov S.V., Almazova O.V. Close Interpersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136. DOI:10.17759/psyedu.2020120308 (InRuss.).

Введение

Исследование условий и факторов, определяющих обращение подростков к моральному

самооправданию, приобретает особую актуальность в эпоху транзитивного общества, высокой социальной неопределенности и рисков ценностного разлома. В подростковом возрасте близкие межличностные отношения приобретают особое значение и реализуются в различных социальных контекстах: взаимодействии с миром взрослых, включающем близких взрослых (обычно родители и родственники) и социально значимых взрослых (учителя, тренеры), и миром сверстников, в котором можно выделить сферы близких межличностных отношений: любовь и дружбу.

В соответствии с периодизацией психического развития человека Д.Б. Эльконина ведущим типом деятельности в подростковом возрасте выступает интимно-личностное общение со сверстниками. Есть альтернативное понимание ведущего типа деятельности в подростковом возрасте – общественно-значимая (В.В. Давыдов), общественно-полезная (Д.И. Фельдштейн), проектная деятельность (К.Н. Поливанова), социально-психологическое экспериментирование (Г.А. Цукерман) [3; 7; 10; 11]. В любом случае вне зависимости от определения типа ведущей деятельности их реализация предполагает необходимость межличностного общения, в ходе которого возникают и близкие межличностные отношения. Радиус значимых отношений подростка составляют группа сверстников, взаимодействие с которыми влияет на формирование эго-идентичности [12].

Задачи развития подросткового возраста предполагают, в частности, приобретение навыков межличностного общения с представителями своего и противоположного пола с последующим вхождением в группу сверстников, что включает рост коммуникативной компетентности; выделение группы значимых сверстников и развитие способности поддерживать позитивные стабильные отношения; осознание своих представлений о дружбе и любви и способность выразить их в словах и действиях [4; 6]. Вместе с тем решение задачи обретения автономии в детско-родительских отношениях не означает свободу от отношений с родителями, а лишь свободу в самих этих отношениях, сохраняющих в подростковом возрасте функцию обеспечения безопасности как условия активного исследования и освоения мира и становления взрослости. Таким образом, отношения в семье с близким взрослым в подростковом возрасте сохраняют значимость и создают надежную основу дальнейшего взросления, в том числе в области морального развития [7; 8].

Активное межличностное взаимодействие подростка с социумом приводит к появлению ситуаций моральных конфликтов, которые чаще всего возникают внутри или между социальными контекстами взаимодействия: сверстники–друзья–близкие взрослые–социальные взрослые. Моральный выбор в ситуации морального конфликта представляет собой выбор между выполнением одной моральной нормы при нарушении другой, либо оказание помощи одному из субъектов взаимодействия и отказ в помощи или поддержке другому. Это приводит к тому, что собственное поведение может восприниматься субъектом как «плохое» и, как следствие, оказывать негативное воздействие на самооценку и самовосприятие. Возникает вопрос о том, как нарушение моральных норм сочетается с внутренним самовосприятием. В работах А. Бандуры была предложена модель, объясняющая возможность аморального поведения в социально значимых отношениях. Автор выделяет механизмы морального самооправдания как социо-когнитивные процессы, позволяющие человеку оправдать свое аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки, которые включают в себя моральное оправдание, речевой

эвфемизм, сравнение как оправдание, распределение ответственности, дегуманизацию жертвы, атрибуцию вины [14]. В большинстве случаев их согласованное действие создает основу самооправдания нарушения моральных норм [16]. Можно предположить, что отношение к жертве, т.е. характер межличностных отношений в измерении «близкие–далекие», является существенным фактором, определяющим возможность прибегнуть к моральному самооправданию в ситуации нарушения моральной нормы.

Исследования обнаруживают, что подростки активно оправдывают собственные нарушения моральных стандартов посредством когнитивной трансформации «плохого» поведения в «хорошее» указанными механизмами «моральной свободы». Проявление «моральной свободы» характерно для детей, склонных к проявлению агрессии и делинквентному поведению [15; 18]. Выделяются гендерные различия: молодые люди более склонны использовать механизмы морального самооправдания, чем девушки [19].

В теории привязанности предполагается, что сформированный в раннем возрасте тип привязанности влияет на качество построения отношений со сверстниками [17]. Ментальная репрезентативная рабочая модель привязанности с учетом растущих когнитивных способностей подростка определяет характер их социального взаимодействия как со взрослыми, так и со сверстниками [21]. В частности, надежная модель привязанности позволяет подростку уверенно взаимодействовать с миром и быть готовым к ответу на вызовы в отношениях со сверстниками. Важно понимать, что тип привязанности подростков не определяет все сферы поведения подростков. Ролевое экспериментирование в поисках идентичности как возрастно-психологическая особенность подросткового возраста оказывается более сильным предиктором деструктивного поведения, чем тип привязанности [20]. Одновременно тип привязанности связан с моральным развитием: тип привязанности связан с нарушением моральных норм, в частности, с агрессивными проявлениями по отношению к сверстникам, но не с нарушением конвенциональных норм [22].

Поскольку модель морального самооправдания, предложенная А. Бандурой, включает три базовых процесса – восприятие ситуации морального выбора, оценку последствий поступка для участников моральной коллизии и отношение к жертве [16], мы предположили, что отношение к жертве, т.е. характер межличностных отношений подростков в семье и со сверстниками, обусловит как готовность подростка к обращению к моральному самооправданию в ситуации нарушения моральной нормы, так и предпочтение конкретных механизмов морального самооправдания.

Метод

Цель исследования – изучение особенностей морального самооправдания подростков с различным типом близких межличностных отношений в семье и со сверстниками. Задачи: 1. изучение использования механизмов морального самооправдания и выделение типов «моральной свободы» как стратегий использования механизмов морального самооправдания; 2. исследование связи межличностных отношений в семье (типа привязанности подростков к матери и сиблинговой позиции) с предпочитаемыми механизмами морального самооправдания; 3. исследование связи характера межличностных отношений со сверстниками с механизмами морального самооправдания; 4. изучение гендерных различий

Молчанов С.В., Алмазова О.В.
 Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
 Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.
 Close Intepersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
 Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

предпочитаемых механизмов морального самооправдания.

Были использованы методики: методика отчуждения моральной ответственности и С. Мур, выделяющая предпочитаемые механизмы морального самооправдания [5]; модифицированный опросник М.В. Яремчук для определения типа привязанности к матери [2]; опросник «Привязанность к родителям и сверстникам» (раздел отношений со сверстниками, в котором результаты оценивались по четырем шкалам: 1) привязанность к сверстникам; 2) доверие в отношениях со сверстниками; 3) коммуникация со сверстниками и 4) отвержение со стороны сверстников [13].

В исследовании приняли участие 411 подростков от 15 до 17 лет ($Me=15,7$; $SD=0,7$). Среди них 278 (67,6%) юношей и 133 (32,4%) девушки. Среди респондентов единственных детей в семье – 94 (22,9%), старших – 173 (42,1%), средних – 33 (8,0%), младших – 101 (24,6%), 10 юношей и девушек не указали свою sibлингую позицию.

Результаты

Обращение подростков к механизмам морального самооправдания

Инструментарий оценки использования механизмов самооправдания является достаточно новым, поэтому первым шагом стала проверка внутренней надежности методики. Показано, что для всех механизмов отчуждения моральной ответственности данные являются приемлемыми или надежными (Альфа Кронбаха для одного механизма – больше 0,5, для остальных – больше или близка к 0,7).

Был проведен анализ выраженности механизмов моральной свободы. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у всей выборки, юношей и девушек, результат проверки различий оценок юношей и девушек

Выборка/ Механизм самооправдания	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	Me	SD	Me	SD	Me	SD	t	p
Моральное оправдание	3,48	1,22	3,68	1,23	3,06	1,09	4,956	<0,001
Речевой эвфемизм	2,78	1,09	2,88	1,10	2,57	1,06	2,731	0,007
Оправдательное сравнение	2,04	0,77	2,12	0,78	1,88	0,72	2,963	0,003
Распределение ответственности	2,58	1,15	2,61	1,19	2,51	1,05	0,808	0,419
Диффузия ответственности	2,75	1,09	2,88	1,11	2,48	0,98	3,579	<0,001
Искажение последствий	2,53	1,09	2,68	1,08	2,24	1,03	3,843	<0,001
Дегуманизация жертвы	3,80	1,29	3,94	1,30	3,51	1,23	3,174	0,002
Атрибуция вины	3,53	1,05	3,70	1,05	3,19	0,99	4,683	<0,001

И в целом по выборке, и отдельно для юношей и девушек предпочитаемыми механизмами являются «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное самооправдание», реже всего используется «оправдательное сравнение». Для всей выборки выраженность

Молчанов С.В., Алмазова О.В.
 Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
 Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.
 Close Intepersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
 Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

механизмов «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное самооправдание» значимо выше, чем выраженность всех остальных механизмов, а выраженность «оправдательного сравнения» значимо ниже, чем всех остальных ($p < 0,05$). У юношей выраженность всех механизмов самооправдания, кроме «распределение ответственности», значимо выше, чем у девушек. Корреляционный анализ показал, что оценки выраженности всех механизмов моральной свободы связаны между собой (r – от 0,2 до 0,6, $p < 0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), что косвенно свидетельствует о внутренней связанности рассматриваемого конструкта.

Кластерный анализ (метод К-средних) результатов опросника С. Мур позволил выделить 3 группы респондентов по степени выраженности механизмов морального самооправдания. Центры кластеров представлены в табл. 2. Было установлено, что есть значимые различия в оценках всех механизмов самооправдания у респондентов из разных кластеров (ANOVA, $p < 0,001$). Это позволяет выделить «типы» «моральной свободы» (морального самооправдания).

Таблица 2

Центры кластеров – распределения респондентов по степени выраженности механизмов морального самооправдания

Тип/ Механизм самооправдания	1 тип	2 тип	3 тип
Моральное оправдание	2,4	3,5	4,3
Речевой эвфемизм	1,7	2,7	3,8
Оправдательное сравнение	1,5	2,0	2,8
Распределение ответственности	1,9	2,6	3,2
Диффузия ответственности	1,7	2,6	3,8
Искажение последствий	1,5	2,4	3,8
Дегуманизация жертвы	2,7	4,0	4,6
Атрибуция вины	2,6	3,6	4,3
Кол-во респондентов (в %)	27,0%	44,3%	28,7%

Тип 1 (27,0% респондентов) проявляет наименьшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. В случаях использования чаще прибегают к моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Обозначим эту группу как группу, достаточно редко использующую стратегии морального самооправдания («пассивные пользователи»), а стратегию моральной свободы – пассивное обращение к моральному самооправданию.

Тип 2 (44,3% участников исследования) – демонстрируют средний уровень активности в обращении к механизмам морального самооправдания. Чаще всего это стратегии искажения образа жертвы: дегуманизация и атрибуция вины, а также моральное сравнение. Обозначим эту группу как группу, ориентированную на стратегию искажения образа жертвы, а тип моральной свободы – как «обесценивание жертвы».

Тип 3 (28,7% подростков) – активнее остальных групп респондентов используют все механизмы морального самооправдания. Обозначим эту группу как группу активных пользователей способами морального самооправдания («активные пользователи»), а стратегию моральной свободы – как активное обращение к моральному самооправданию.

Анализ межполовых различий показал, что юноши значимо чаще бывают «активными», а девушки – «пассивными» пользователями морального самооправдания ($\chi^2=24,986$ при $p<0,001$, сила эффекта V Cramer's – 0,247).

Типы морального самооправдания и межличностные отношения в семье

Так как за пределами детства чистые «амбивалентный» и «избегающий» типы привязанности встречаются довольно редко (в большинстве случаев «ненадежность» в привязанности к матери проявляется в присутствии как тревоги по поводу отношений, так и избегании отношений), мы выделили только «надежный» и «ненадежный» тип привязанности, без разбиения ненадежного на отдельные типы. Надежный тип привязанности к матери определен у 54,3%, а ненадежный – у 45,7% подростков, что совпадает с данными М. Микулинцера, Ф. Шайвера, Дж. Кэссиди и других о распределении надежного и ненадежного типов привязанности к матери в подростковом возрасте.

В табл. 4 представлено распределение подростков с разными типами привязанности к матери по типам морального самооправдания. Было выявлено, что тип привязанности к матери и тип морального самооправдания связаны ($\chi^2=35,041$, $p<0,001$, сила эффекта V Cramer's – 0,289). Среди подростков с надежным типом привязанности к матери значимо чаще реализуется стратегия пассивного обращения к моральному самооправданию, а при ненадежном – стратегия активного обращения. В отношении стратегии обесценивания жертвы значимых различий между группами подростков с надежным и ненадежным типами привязанности к матери выявлено не было.

Таблица 4

Распределение подростков с разными типами привязанности к матери по типам моральной свободы

Тип привязанности/Тип МСО	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи
Надежный	35,4%	47,1%	17,5%
Ненадежный	17,0%	41,0%	42,0%
Всего	27,0%	44,3%	28,7%

Сиблинговая позиция незначительно связана с предпочтением типа моральной свободы. Хотя среди «единственных» детей в семье чаще, а у «младших» – реже, чем при других сиблинговых позициях, встречаются «активные пользователи» механизмов морального самооправдания, но статистически они не связаны ($\chi^2=8,482$ при $p=0,205$).

Типы морального самооправдания и межличностные отношения со сверстниками

В табл. 7 представлены результаты анализа аспектов взаимоотношений со сверстниками

Молчанов С.В., Алмазова О.В.
 Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
 Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.
 Close Intepersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
 Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

при каждом типе морального самооправдания.

Таблица 7

Средние оценки разных аспектов взаимоотношений со сверстниками при разных типах морального самооправдания; анализ различий оценок отношений со сверстниками у подростков из разных типов морального самооправдания

Аспект отношений со сверстниками/Тип МСО	Пассивные пользователи	Обесценивание жертвы	Активные пользователи	Различия	
				F	p
Привязанность	4,21	4,05	3,80	18,282	<0,001
Доверие	4,49	4,34	4,13	10,434	<0,001
Коммуникация	4,27	4,09	3,78	14,982	<0,001
Отвержение	2,23	2,40	2,64	12,997	<0,001

Применение теста Тьюки (метода множественных сравнений) позволило обнаружить значимые различия в характере межличностных отношений со сверстниками между подростками, реализующими различные типы морального самооправдания:

1) привязанность к сверстникам значимо отличается попарно между всеми группами подростков с различными стратегиями морального самооправдания: а) привязанность к сверстникам у группы «пассивных пользователей» выше, чем у подростков, реализующих стратегию «искажения образа жертвы» ($MD=0,1656$; $p=0,026$) и подростков-«активных пользователей» ($MD=0,4171$; $p<0,001$); б) привязанность к сверстникам у подростков, реализующих стратегию «искажения образа жертвы», значимо выше, чем у подростков-«активных пользователей»;

2) доверие в отношениях со сверстниками у группы «активных пользователей» значимо ниже, чем у подростков-«пассивных пользователей» ($MD=-0,3662$; $p<0,001$) и участников, реализующих стратегию обесценивания жертвы ($MD=-0,2145$; $p=0,009$);

3) оценки коммуникации со сверстниками у группы «активных пользователей» значимо ниже, чем у респондентов-«пассивных пользователей» ($MD=-0,4886$; $p<0,001$) и участников исследования, предпочитающих стратегию «искажения образа жертвы» ($MD=-0,3068$; $p=0,001$);

4) отвержение со стороны сверстников у группы «активных пользователей» значимо выше, чем у респондентов-«пассивных пользователей» ($MD=0,4154$; $p<0,001$) и участников исследования с «искажением образа жертвы» ($MD=0,2454$; $p=0,001$).

Корреляционный анализ связи между оценками разных аспектов взаимоотношений со сверстниками и выраженностью механизмов самооправдания (коэффициент корреляции Пирсона) показал, что большая часть оценок позитивных аспектов взаимоотношений со сверстниками связана с выраженностью механизмов самооправдания обратно, а негативного аспекта – прямо слабыми, но статистически значимыми связями. При этом механизмы «распределение ответственности» и «диффузия ответственности» связаны с взаимоотношениями со сверстниками меньше, чем другие механизмы.

Обсуждение результатов

Нарастание в обществе явлений адиафоризации, т.е. исключения моральных норм и правил из сферы человеческих отношений, создает противоречие между моральной социализацией личности и практикой моральной трансгрессии, ложно понимаемой как моральная свобода личности [1]. Моральное самооправдание выступает как способ сохранения позитивной самооценки при самоотчуждении личности от социального требования регуляции межличностных отношений на основе принятых в обществе моральных норм. Целью нашего исследования стало изучение связи особенностей близких межличностных отношений в семье и в кругу сверстников и обращения подростков к различным механизмам морального самооправдания. Наши результаты позволили установить, что наиболее часто подростки обращаются к таким механизмам морального самооправдания, как «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное оправдание», причем юноши значимо чаще прибегают к стратегии самооправдания, чем девушки. Анализ предпочитаемых механизмов самооправдания выявил три типа стратегий моральной свободы: 1) стратегия пассивного обращения подростков к моральному самооправданию, косвенно свидетельствующая об их готовности принять ответственность за нарушение моральных норм; 2) стратегия обесценивания жертвы посредством дегуманизации и атрибуции вины; 3) стратегия активного использования всех способов морального самооправдания. Полученные результаты подтверждают выдвинутое предположение о значении близких межличностных отношений в семье для морального развития – выявлена связь типа привязанности к матери и типа стратегий морального самооправдания, что согласуется с результатами исследования Э. Туриеля [22]. Для подростков с надежным типом привязанности более характерна пассивная стратегия и низкая готовность обращения к механизмам морального самооправдания, предположительно обусловленная внутренней ответственностью. Напротив, в случае ненадежного типа привязанности существенно чаще подростки реализуют стратегию активного обращения к моральному самооправданию. Отсутствие различий в обращении к стратегии обесценивания жертвы между подростками с надежным и ненадежным типом привязанности к матери может быть объяснено тем, что указанная стратегия является типичной для данного возраста, что, однако, требует дальнейшего изучения. Перспективой исследования должно стать изучение предпочитаемых механизмов морального самооправдания при избегающем и амбивалентном типах привязанности.

Выводы

Результаты подтверждают положение о роли общения и близких межличностных отношений со сверстниками как деятельности, обеспечивающей осознание и принятие подростками морального кодекса товарищества (Д.Б. Эльконин). Привязанность, доверие, успешность коммуникации в отношениях со сверстниками значимо ниже, а отвержение – выше в группе подростков, реализующих стратегию активного обращения к механизмам морального самооправдания. Чем более выражены привязанность и доверие подростков к сверстникам, тем реже их обращение к таким механизмам морального самооправдания, как искажение последствий, дегуманизация жертвы и атрибуция вины. Чем более выражено отвержение со стороны сверстников, тем чаще подростки обращаются к таким механизмам морального самооправдания, как искажение последствий и дегуманизация жертвы. Вместе с

Молчанов С.В., Алмазова О.В.
Бликие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.
Close Interpersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

тем установленный в исследовании факт отсутствия связи между взаимоотношениями со сверстниками и такими способами морального самооправдания, как «распределение ответственности» и «диффузия ответственности», может быть объяснен логикой становления моральной ответственности – от внешней ответственности к внутренней.

Литература

1. Бауман З., Донских Л. Моральная слепота. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 386 с.
2. Бурменская Г.В., Алмазова О.В. Взаимоотношения братьев и сестер и их связь с привязанностью к матери // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 15–25.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
4. Карбанова О.А. Возрастная психология. Конспект лекций. М.: Айрис-Пресс, 2005. 240 с.
5. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402
6. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возрастов. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 351 с.
7. Молчанов С.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А., Маркина О.С. Развитие личностной автономии как условие формирования ориентации подростка в моральной сфере // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 4. С. 22–29. DOI:10.17759/chrp.2015110402
8. Поливанова К.Н. Психологический анализ возрастной периодизации // Культурно-историческая психология. 2006. Том 2. № 1. С. 26–31.
9. Поскребышева Н.Н., Карбанова О.А. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 2. С. 36–47.
10. Фельдштейн Д.И. Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста // Хрестоматия по возрастной психологии / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Институт практической психологии, 1996. 304 с.
11. Цукерман Г.А. Социально-психологическое экспериментирование как форма ведущей деятельности подросткового возраста // Вестник МАРУ. 2000. № 7. С. 34–43.
12. Эриксон Э. Детство и общество. М.: Летний сад, Речь, 2000. 416 с.
13. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1987. № 16 (5). P. 427–454. DOI:10.1007/BF02202939
14. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986. 640 p.

15. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning // *Child Development*. 1996. № 67 (3). P. 1206–1222.
16. Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth, 2015. 544 p.
17. Berlin L.J., Cassidy J. Relations among relationships: Contributions from attachment theory and research // *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications* / In J. Cassidy, P.R. Shaver (Eds.). The Guilford Press, 1999. P. 688–712.
18. Carlo G., Randall B.A. The development of a measure of prosocial behaviours for late adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 2002. № 31. P. 31–44. DOI:10.1023/A:1014033032440
19. Caroli M.E., Sagone E. Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2013. № 140. P. 312–317. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.04.426
20. Collins W.A., Steinberg L. Adolescent Development in Interpersonal Context // *Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development* / In N. Eisenberg, W. Damon, R.M. Lerner (Eds.). John Wiley & Sons Inc, 2006. P. 1003–1067.
21. Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1985. № 50 (1-2). P. 66–104.
22. Turiel E. The development of morality // *Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development* / In N. Eisenberg, W. Damon, R.M. Lerner (Eds.). Hoboken, NJ: Wiley, 2006. P. 789–857. DOI:10.1002/9780470147658.chpsy0313

References

1. Bauman Z., Donskikh L. *Mora'n'naya slepota [Moral Blindness]*. SPb.: izd-vo Ivana Limbakha, 2019. 386 p. (In Russ.).
2. Burmenskaya G.V., Almazova O.V. *Vzaimootnosheniya brat'ev i sester i ikh svyaz' s privyazannost'yu k materi [Interrelations of brothers and sisters and their attachment to mother]*. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2015, no. 4, pp. 15–25. (In Russ., abstr. In Engl.).
3. Davydov V.V. *Teoriya razvivay ushchego obucheniya [Theory of Developing Education]*. M.: INTOR, 1996. 544 p. (In Russ.).
4. Karabanova O.A. *Vozrastnaya psikhologiya. Konspekt lektsii [Developmental psychology. Lecture notes]*. M.: Airis-Press, 2005. 240 p. (In Russ.).
5. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. *Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psikhologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya [Moral disengagement: psychological construct and measurement method]*. *Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika = SPbGU Bulletin, Psychology, Pedagogy*, 2016. Vol. 4, pp. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402 (In Russ., abstr. In Engl.).

6. Molchanov S.V. Psikhologiya podrostkovo i yunosheskogo vozrasta. Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Psychology of adolescence and youth]. M.: Yurait, 2016. 351 p. (In Russ.).
7. Molchanov S.V., Poskrebysheva N.N., Zapunidi A.A., Markina O.S. Razvitie lichnostnoi avtonomii kak uslovie formirovaniya orientatsii podrootka v moral'noi sfere [Development of personal autonomy as the condition for formation of adolescents orientation in moral shpere]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 4, pp. 22–29. DOI:10.17759/chp.2015110402 (In Russ., abstr. In Engl.).
8. Polivanova K.N. Psikhologicheskii analiz vozrastnoi periodizatsii [Psychological analysis of periodization of development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2006. Vol. 2, no. 1, pp. 26–31. (In Russ., abstr. In Engl.).
9. Poskrebysheva N.N., Karabanova O.A. Razvitie lichnostnoi avtonomii podrostkov v otnosheniyakh s rodityami [Development of personal autonomy of adolescents in relations with parents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Bulletin, Psychology*, 2011. № 2, pp. 36–47. (In Russ., abstr. In Engl.).
10. Fel'dshtein D.I. Osobennosti stadia razvitiya lichnosti na primere podrostkovo vozrasta [Peculiarities of developmental stages of personality in adolescence]. In: D.I. Fel'dshteina. (Ed.). *Khrestomatiya po vozrastnoi psikhologii*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii, 1996. 304 p. (In Russ.).
11. Tsukerman G.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe eksperimentirovanie kak forma vedushchei deyatel'nosti podrostkovo vozrasta [Social-psychological experiment as for of basic activity in adolescence]. *Vestnik MARO = MARO Bulletin*, 2000. № 7, pp. 34–43. (In Russ.).
12. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. Moscow: Letnii sad, Rech', 2000. 416 p. (In Russ.).
13. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 1987, no. 16 (5), pp. 427–454. DOI:10.1007/BF02202939
14. Bandura A. *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986. 640 p.
15. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 1996, no. 67 (3). pp. 1206–1222.
16. Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York, NY: Worth, 2015. 544 p.
17. Berlin L.J., Cassidy J. Relations among relationships: Contributions from attachment theory and research. *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. In J. Cassidy, P.R. Shaver (Eds.). The Guilford Press, 1999, pp. 688–712.
18. Carlo G., Randall B.A. The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 2002, no. 31, pp. 31–44. DOI:10.1023/A:1014033032440
19. Caroli M.E., Sagone E. Mechanisms of moral disengagement: an analysis from early adolescence to youth. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 140, pp. 312–317. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.04.426

Молчанов С.В., Алмазова О.В.

Бликие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию
Психолого-педагогические исследования. 2020.
Том 12. № 3. С. 124–136.

Molchanov S.V., Almazova O.V.

Close Intepersonal Relations with Parents and Peers in Adolescence as the Factor of Use of Moral Disengagement Mechanisms
Psychological-Educational Studies. 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 124–136.

20. Collins W.A., Steinberg L. Adolescent Development in Interpersonal Context. Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development. In N. Eisenberg, W. Damon, R.M. Lerner (Eds.). John Wiley & Sons Inc., 2006, pp. 1003–1067.

21. Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 1985, no. 50 (1-2), pp. 66–104.

22. Turiel E. The development of morality. Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development. In N. Eisenberg, W. Damon, R.M. Lerner (Eds.). Hoboken, NJ: Wiley, 2006, pp. 789–857. DOI:10.1002/9780470147658.chpsy0313

Информация об авторах

Молчанов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Алмазова Ольга Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>, e-mail:almaz.arg@gmail.com

Information about the authors

Sergey V. Molchanov, PhD in Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Olga V. Almazova, PhD in Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8852-4076>, e-mail:almaz.arg@gmail.com

Получена 01.10.2020

Принята в печать 15.10.2020

Received 01.10.2020

Accepted 15.10.2020